

УДК 94(47).072.5
ББК 63.3

**КОМАНДНЫЙ СОСТАВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КАЛМЫЦКОГО ВОЙСКА
В ВОЕННОЙ И ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА:
ОТ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ ДО ЭПОХИ 1812 г.**

А. С. Ряжев

Изучение российского абсолютизма на протяжении Нового времени — актуальная задача нынешней историографии. Ее разрешение немыслимо без внимания к военной и вероисповедной тематике, где природа абсолютизма проявлялась весьма ярко. История служилых сословных групп в составе иррегулярных войск — важный аспект подобной тематики.

Ранее он был затронут в науке в связи с историей формирования народов Поволжья и Урала в составе иррегулярных войск на протяжении XVIII и начала XIX в. [Кузнецов 2006; 2008; Кортунов 2009; Джунджузов 2010]. В то же время проблема роли, играющей иррегулярным командным составом в вероисповедных и военных делах верховной власти, до сих пор практически не привлекала к себе внимания специалистов [об этом см.: Ряжев 2012: 66–67]. Между тем, ее также необходимо исследовать, чему и посвящена данная работа.

Разрешить подобную задачу стало возможным благодаря выявленным документам административных и военных учреждений, а также должностных лиц, осуществлявших постоянные и временные функции по надзору и командованию волжским Ставропольским войском (корпусом) крещеных калмыков и/или отдельными его подразделениями с середины 50-х гг. XVIII в. и до окончания войн России против наполеоновской Франции. Эти документы представляют собою отчетность чиновников и армейских командиров о состоянии Ставропольского войска и Ставропольского калмыцкого полка (рапорты, донесения, послужные списки военнослужащих, ведомости штатов войска). Они отложились в составе фонда канцелярии оренбургского губернатора Государственного архива Оренбургской области [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 393/3; Оп. 2. Д. 655; Оп. 3. Д. 3573, 6315] и коллекции формулярных списков Российского государственного военно-исторического архива [РГВИА. Ф. 489. Д. 3003, 3085]. Указанные источники выявлены историками С. В. Джунджузовым, У. Б. Очировым, А. В. Тепикиным и

будут полностью введены в научный оборот в составе очередных томов сборника «Волжские ставропольские калмыки», из которых третий том, выходящий в свет в текущем году, приурочен к юбилею Отечественной войны 1812 г.

Из опубликованных источников следует указать деловые бумаги Оренбургской губернской канцелярии и походной канцелярии первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева, включенные в первый том выше указанного сборника [Волжские ставропольские калмыки 2011]. Нельзя забыть и о документации, посвященной боевой истории Ставропольского калмыцкого полка в ходе Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. [Калмыки в Отечественной войне ... 1964]. Что же касается историографии изучаемого вопроса, то в ней достаточно освещены два крупных сюжета — позиция некоторых офицерских семей Ставропольского войска в годы Пугачевского восстания и заслуги командного состава на полях сражений против Наполеона в 1805–1814 гг. [Кузнецов 2006; 2008; Джунджузов 2010; Беликов 1960; 1965].

Значение составленной базы источников трудно переоценить: она в полной мере характеризует формирование и развитие офицерского корпуса Ставропольского войска, содержание и назначение служебных обязанностей офицеров, их социальное положение, а также отражает мероприятия властей и политико-дипломатическую обстановку в целом на азиатских окраинах Российской империи в изучаемое время. В этом заключается ее особая ценность.

В документах прежде всего обозначен первоначальный персональный состав высших офицеров, являвшихся в середине 1750-х гг. наиболее знатными калмыцкими владельцами и зайсангами, а также размер и периодичность офицерского жалования. Полный список зайсангов — соратников князя Петра Тайшина и доверенных людей его вдовы княгини Анны Тайшиной — приведен в ведомости о раздаче вещей княгини в 1744 г., после ее смерти в корпусе [Волж-

ские ставропольские калмыки 2011: 109–113 (№ 30)]. Из документов следует, что первое поколение офицеров Ставропольского войска было устойчивой и сплоченной группой с развитой внутренней иерархией, место в которой зависело от происхождения и заслуг некрещеных предков и старших родственников, умерших и здравствовавших, перед властями [Волжские ставропольские калмыки 2011: 122–127, 195–196, 213–216, 224, 229 (№ 32, 58, 70, 73, 74)].

Основным источником пополнения офицерства со времени создания войска, т. е. с конца 30-х гг. XVIII в., стало воспроизводство: именно сыновья высших чинов войска в первую очередь претендовали на звания и связанные с ними привилегии, тогда как незнатные зайсанги несли офицерскую службу и занимали вакансии без жалования, званий и выслуги [Волжские ставропольские калмыки 2011: 182–183 (№ 50)]. В этой связи кровнородственные связи были залогом успешной службы, и командный состав за них держался. Пополнение привилегированного офицерства извне шло за счет калмыцкой знати и также с опорой на родство и/или связи с самыми влиятельными ставропольскими семьями Торгоутских, Дербетевых, Шориных (Шоро), Дайши-Замсо, члены которых входили в Ставропольский калмыцкий войсковой суд — известный аналог калмыцкого Зарго [Волжские ставропольские калмыки 2011: 97, 98, 122–127, 182, 183, 189, 190, 196, 197, 198–200, 241–251 (№ 23, 33, 50, 54, 59, 61, 80–86)].

Наиболее знатным пришельцам должный социальный уровень в войске обеспечивали именно власти, как это было в случаях с приездом в Ставрополь владельцев Петра Торгоутского и Чидана Дербетева в 1743–1744 гг., и как об этом было заявлено в связи с припиской к войску двоюродного брата последнего джунгарского властителя — нойона Норбо Данжина в 1758 г. Нойонам же и зайсангам, не нашедшим места в узком круге высшего командного состава или выпавшим из него, оставалось лишь бежать или, признавая свою неудачливость и приниженность, искать средства к существованию помимо военного дела — на гражданской службе, в занятиях учительством или ремеслом [Волжские ставропольские калмыки 2011: 98–103, 191–194, 197–198, 229–231, 255, 256 (№ 24, 25, 56, 60, 75, 88)].

Ряд привилегий офицерства распространялся и на их семьи. В частности, вдовы полковников и других сотрудников войскового суда получали жалование за умерших [Волжские ставропольские калмыки 2011: 257–259 (№ 90)]. Встать на тот же уровень привилегий без помощи властей было невозможно, но такое включение имело место лишь однажды: в 1758 г. Дмитрий Яковлев (до крещения — Норбо Данжин), знатный джунгарский нойон и двоюродный брат Амурсаны [Златкин 1958: 306], получил чин есаула, а его родственники и приближенные — другие чины и оклады [Волжские ставропольские калмыки 2011: 220–224 (№ 73)].

Социальные привилегии калмыцких офицеров подкреплялись обычным правом. В соответствии с традиционным порядком калмыцкого общества албату — основная масса простолюдинов — была обязана повинностями в пользу верхушки, выходцами из которой, в основном, и были офицеры. Повинности албату в Калмыцком ханстве были многообразны: натуральный и денежный оброк, чрезвычайные натуральные сборы, обслуживание домашнего хозяйства представителей верхов — нойонов и зайсангов [Калмыки 2010: 67–69]. Государство декларировало замену в Ставропольском ведомстве бывшего социального порядка новыми служебными отношениями. Но из быта и сознания калмыцкой аристократии вытеснить традиционные установки было нелегко, порою и невозможно. Поэтому власти мирились с сохранением прежних социальных отношений в среде крещеных калмыков и отчасти даже признавали их [Волжские ставропольские калмыки 2011: 92–95, 109–122, 168–173, 187–190 (№ 20, 30–32, 38–41, 53, 55)].

В 50-е гг. XVIII в. в российской политике набирала силу тенденция «просвещенного абсолютизма». В замыслах «просвещенных» властей ставропольский командный состав являлся примером для некрещеной калмыцкой знати и помогал ее вовлечению в общую систему государства, поэтому не возникало препон для общения между крещеными и некрещеными родственниками в войске и Калмыцком ханстве. Из документов, в частности, следует, что ставропольские офицеры и их жены имели возможность заботиться о некрещеной родне и встречаться с нею в ходе взаимных гостевых поездок [Волжские ставропольские калмыки 2011: 177, 179–182, 256 (№ 44, 47–49, 89)]. Власти этим пользо-

вались, получая сведения о положении в ханстве и на всей азиатской границе и от крещеных, и от некрещеных калмыков.

В XVIII в. ставропольские калмыки были крупнейшим этническим образованием калмыков вне Калмыцкого ханства. В этой связи документами подчеркнута роль ставропольских офицеров-зайсангов как посредников и проводников линии властей в отношениях с кочевыми ойратскими и тюркскими элитами, легших в основу тогдашнего курса России в Средней Азии. В целом же бумаги говорят о постоянной и целенаправленной поддержке государством командного состава Ставропольского корпуса по сравнению с некрещеной ойратской верхушкой [Ряжев 2012: 67].

Отсутствовали непреодолимые преграды и между калмыцким простонародьем — буддистами и православными. Но из-за общения состава войска с нехристианами на офицерство лег вероисповедный контроль в отношении рядовых. Кроме того, Ставрополь был превращен властями в «метрополию» калмыцкого христианства — знатных неопитов «для крещения и научения в законе» присылали в крепость отовсюду, и офицерам на деле поручалось присматривать и за ними [Волжские ставропольские калмыки 2011: 173–174, 178, 179 (№ 42, 46)].

Начало правления Елизаветы Петровны отмечалось усилением борьбы со старообрядчеством. Кампания затронула и армию, особенно иррегулярные войска: для государства было неприемлемым влияние староверов на казачество и казачье офицерство, и власти стремились его снять. Создание на Волге, Южном Урале, Северном Кавказе новых лояльных и/или крещеных иррегулярных частей отвечало подобному стремлению.

Первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев считал нужным задабривать владетелей-офицеров. Для этого он ввел: открытый стол у ставропольского коменданта, текущую выдачу жалования (рядовые калмыки и малознатные зайсанги, в отличие от высших офицеров, получали плату деньгами и натурой не постоянно, а лишь в походе и боях), регулярное вручение подарков. Он также запретил вмешательство армейских инстанций в дела частей корпуса, настаивал на соблюдении ими внутренней калмыцкой субординации и даже закрывал глаза на нарушение привилегированным офицерством войска казенной винной монополии в 40–50-е гг. XVIII в. [Волжские ставропольские кал-

мыки 2011: 122–127 (№ 33)]. В целом именно И. И. Неплюев заложил длительную, до начала 20-х гг. XIX в., традицию бережного и уважительного отношения к внутреннему укладу и принципам устройства Ставропольского войска. Ставропольские калмыки сохранили благодарную память об этом: по объявлении сбора средств на устройство Неплюевского училища в Оренбурге именно военнослужащие Ставропольского войска передали в 1818 г. на это дело солидную по тем временам сумму — 495 руб. [ГА ОО. Ф. 6. Д. 6315. Оп. 3. Л. 1–3].

Социальные и служебные привилегии, религиозное единство открыли для офицерской группы путь сближения с российским дворянством. Крещеные потомки хана Дондук-Омбо стали своего рода посредниками: в 1750 г. есаул И. Н. Дербетев-младший женился на ханской дочери, и возникла соответствующая линия свойственных связей [Волжские ставропольские калмыки 2011: 190, 191, 194–197 (№ 55, 57, 58, 60)]. Позже, при Екатерине II, высший состав корпуса еще более проникся идеями об участии в консолидации благородного сословия: в 1768 г. зайсанги просили разрешить им приобретать у православных дворян земли и населенные имения [Волжские ставропольские калмыки 2011: 259–261 (№ 91)].

Тяжелым периодом в общей жизни Ставропольского войска стала Пугачевщина [Джунджузов 2011: 51–55]. Но к концу 1780-х гг., после реформы казачьих войск Г. А. Потемкина, войско восстановилось. В последней четверти XVIII в. на службу приходит новое поколение ставропольских офицеров, родившихся после Пугачевского лихолетья. Наряду с ним подтягивалась и молодая поросль из простого звания, из-за чего внутреннее значение социальной дифференциации в среде командного состава войска к концу столетия стало снижаться. Судя по формулярным спискам, именно этот призыв в основном и вынес на себе дальнейшие тяготы службы — участие в войнах Екатерины II, пограничные наряды в Оренбург, Уральск, на Украину и, предположительно, на Северный Кавказ, и, наконец, походы против наполеоновской армии. До начала 20-х гг. XIX в. ставропольское офицерство сохраняло свой замкнутый характер, и все правительственные узаконения по части уклада войсковой службы стояли на страже этих сословных привилегий [Джунджузов 2011: 56–64].

Командные задачи офицеров были в полной мере обусловлены характером текущей службы. В изученных документах речь идет, прежде всего, о командировках, ординарных и чрезвычайных, ставропольских частей в 1750-е гг. на южные границы, в том числе для борьбы с казахскими набегами, и об участии в подавлении восстания Батырши [Волжские ставропольские калмыки 2011: 92–96, 174–177, 200–211, 218–220, 235–240 (№ 20, 22, 43, 45, 62–67, 72, 78)]. Ставропольские калмыки известны и своими подвигами в Семилетней войне. В этой связи весьма интересными представляются сообщения источников о дальних военных маршрутах ставропольских калмыков. Одно из таких сообщений говорит о готовности властей в 1755 г. накануне Семилетней войны перебросить пятисотенное ставропольское соединение «в Остзею» (Остзейский край) — ближе к восточнопрусскому театру боевых действий. В другом сообщении ставропольский комендант характеризует финансовую и организационную стороны посылки аналогичного воинского контингента в 1756 г. в Малороссию [Волжские ставропольские калмыки 2011: 200, 201, 218–200 (№ 62, 72)].

В период Пугачевского восстания был нанесен сильный удар по боеспособности войска и состоянию офицерского состава. Но в дальнейшем они были восстановлены, и ставропольские калмыцкие партии под началом своих «природных» командиров продолжали службу на Оренбургской линии, действуя на усиление Оренбургского и Уральского казачьих войск [Шовунов 1992: 139]. Бумаги Ставропольской войсковой и Оренбургской губернской канцелярий говорят о ежегодных маршах на степную границу. Имеются данные конца XVIII в. и о гораздо более далеких нарядах рядовых и офицеров — на Деркульскую линию на Слободской Украине. Данная линия проходила по р. Деркул (левый приток Северского Донца), бассейн которой расположен на стыке современных Ростовской (Россия) и Луганской (Украина) областей [ГА ОО. Ф. 6. Д. 393/3. Л. 5–12, 14–26; Д. 7573. Л. 4об.–5].

Имеются сведения о присутствии ставропольских чинов и на более отдаленных театрах. Так, в послужном списке учителя Ставропольской калмыцкой школы А. А. Гаданова, датированном 1800 г., указано, что в 1790–1793 гг. этот наставник юношества служил толмачом, а затем получил звание ротмистра «в Финдлянской и Дивинской армиях» [ГА ОО. Ф. 6. Д. 655. Л. 23об.–24].

Речь, таким образом, идет об участии офицера во вполне определенных событиях, разворачивавшихся на северо-западных пограничных военных театрах. Прежде всего, это завершающий этап русско-шведской войны 1789–1790 гг., с чем и связано пребывание ротмистра в Финляндской армии. Война со Швецией шла параллельно с русско-турецкой войной 1787–1791 гг., когда Россия была вынуждена вести борьбу на два фронта. Кроме того, начало 1790-х гг. — это время острейшего кризиса в отношениях России с европейскими странами — Англией, Пруссией, Швецией, Речью Посполитой, — когда существовали реальная угроза и прусско-польского вторжения и нового нападения Швеции при поддержке английского флота. Именно в этот период по распоряжению Г. А. Потемкина была сформирована Двинская армия. Она располагалась в Лифляндии, близ Риги и Динабурга, предназначалась для защиты сухопутной границы и Балтийского побережья России от предполагавшейся агрессии, и в состав этой новой армии включались части, выведенные из Финляндии [Елисеева 2000: 272–286]. Таким образом, документ отражает службу одного из ставропольских офицеров на протяжении самого сложного в военном отношении периода правления Екатерины II.

Наиболее славной страницей в жизни ставропольских офицеров-калмыков, как и всего Ставропольского войска, стало участие в кампаниях 1805–1807 гг. и 1812–1814 гг. против Наполеона. Служебные формуляры ставропольского командного состава стали подлинной боевой летописью войска. Так, есаул и «ковалер Василий Алексеев сын Даржаев» был награжден за боевые заслуги в зарубежных походах орденом Св. Анны 3-й степени и командовал Ставропольским полком в 1814 г. Его послужной список гласит: «в 807 в действительном против войск французских походе и в самых сражениях за границу в Пруском королевстве, в 808-м [и] 809-м в городе Макарьево, в 810 для содержания Оренбургской линии, с 811 по 1814 год ноября по 16-е число в действующей армии против войск французских и в самых сражениях, а именно июня 27 и 28-го под местечком Миром, июля 2-го под Романовым, 25 под Вилежем, августа 8-го под Москвой, а потом октября 12 в преследовании от Москвы к Смоленску ранен в голову в правой висок всколсь пулею, ноября 8-го под городом Дорогобужем, декабря 14-го до

границ, а 22-го того же месяца в границу в город Тильзит, 26 в разных перестрел[ках], а в преследовании до Данцига 1813 генваря 3-го, оттоль в Берлин февраля 20-го, в облакаде Кистрина 24, также в сражении при крепости Глагау марта 14 в Саксонии, в генеральном сражении апреля 20 при Люцине, майя 9 при Бауцине ... , а от онаго к Яру (Яуэр. — *А. Р.*) по 22-е того же месяца, августа 8, 9, и 10 под местечком Леном, 28 и 29 под Киргеном (Нойкирхен. — *А. Р.*), сентября 2 3 4 и 5-го под деревней Пуцкау, и под Лейпцохом (Лейпциг. — *А. Р.*) в генеральном сражении ноября (правильно: октября. — *А. Р.*) 6 и 7-го, а от онаго в преследовании неприятеля до крепости Маинца находился» [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3085. Л. 5–7].

Этот перечень означает, что его обладатель прошел кампанию 1807 г. в Восточной Пруссии и был участником батальи под Фридландом и Тильзитом. В период Отечественной войны есаул значится в действующей армии с 1811 г. — со времени создания Ставропольского калмыцкого полка. На начальном этапе Отечественной войны 1812 г. офицер служил во 2-ой армии П. И. Багратиона, принимая участие в знаменитых летних кавалерийских боях под Миром и Романовым, затем воевал в корпусе под командованием Ф. Ф. Винцингероде и пережил жаркое дело под Велижем. Фрагмент «августа 8^{го} под Москвой» говорит об участии офицера в успешном сражении отряда Ф. Ф. Винцингероде с войсками вице-короля Италии Е. Богарне близ Звенигорода. Далее, до середины осени, В. А. Даржаев пребывал в составе своего соединения, оперировавшего на подступах к Москве до начала Бородинского сражения, а затем ведшего партизанские действия. С октября 1812 г., с самого начала отступления французов из Москвы, вместе со своим полком он служил в авангарде корпуса П. Х. Витгенштейна и не выходил из боев до самой границы.

Отражены в послужном списке есаула и зарубежные походы, и они дают полную хронику действий Ставропольского калмыцкого полка в составе коалиционных войск. Кампания 1813 г. отмечена участием В. А. Даржаева в бою под Тильзитом, осаде Данцига, взятии Берлина, блокаде крепостей Кюстрин и Глогау, сражениях под Люценом и Бауценом, рейдах на местечки Лен и Пуцкау, и наконец, в «битве народов» при Лейпциге, кампания 1814 г. — участием в блокаде крепости Майнц.

В. А. Даржаев прошел весь боевой путь своего полка. Вместе с тем тот же самый перечень боев и походов (впрочем, с известными вариациями) значится и в шести других выявленных офицерских послужных списках Ставропольского калмыцкого полка. Боеспособность и боевой дух военнослужащих-ставропольцев был, по отзывам военачальников и современников, всегда на должной высоте, и это значило, что со своими функциями командный состав вполне справлялся [Беликов 1960: 126, 128, 130, 131; Шовунов 1992: 264, 265, 267].

Калмыцкие офицеры-ставропольцы знали перерывы в войнах, но не в службе. Вновь стоит обратить внимание на цитированный формуляр В. А. Даржаева, где говорится о службе «в 808^м [и] 809^м в городе Макарьеве» и «в 810 для содержания Оренбургской линии». Последняя запись вполне понятна. По порядку, заведенному еще во времена И. И. Неплюева, ставропольские командиры водили своих подчиненных на границу и форпосты, и это происходило и в промежутках между наполеоновскими войнами, и одновременно с ними. Из послужных списков известно, что целый ряд войсковых чинов — участников кампаний 1805–1807 гг. нес службу до окончания войн России против наполеоновской Франции именно на Оренбургской линии. Очевидно, что и в эпоху 1812 г. дальний рубеж империи не был забыт властями. Параллельно с боями и походами войск антифранцузских коалиций на протяжении 1804–1813 гг. тянулась российско-персидская война, пристрастным наблюдателем российской схватки с Наполеоном выступала Турция, не оставлявшая своим вниманием земли суннитов на Кавказе и в Средней Азии. Государству обязательно следовало поддерживать порядок на юго-восточных дальних степных границах, поэтому калмыцкие командиры Ставропольского войска оказывались и здесь в нужное время и в нужном месте.

Гораздо интереснее другое сообщение источника, именно о службе в Макарьеве. Упоминание об этом в формулярах калмыков-ставропольчан применительно к 1808–1810 гг. тоже отнюдь не единично. Очевидно, что речь идет о службе в городке Макарьев, обязанном своим возникновением и развитием знаменитой Макарьевской ярмарке¹. Судя по формулярным спискам, все

¹ Макарьев, Макарьев на Волге, поселение близ Макарьево-Желтоводского монастыря, получившее по-

военнослужащие Ставропольского войска, прежде всего офицеры, получавшие такое задание, владели русским языком, а некоторые и русской грамотой. Как следствие, выполнение административно-полицейских обязанностей такими военными калмыками весьма показательно в плане функций, обычно возлагавшихся властями на иррегулярные войска в России Нового времени.

Итак, крещеное калмыцкое офицерство воплощало опыт военно-политических усилий властей на юго-восточных границах. Ставропольский командный состав обладал всеми организационно-боевыми качествами казачьих офицеров, избавлял государство от тревог на счет последних, связывавшихся с влиянием старообрядчества. Немаловажно также, что в периоды войн ставропольские офицеры выступали надежной боевой силой на всех театрах военных действий и достаточной полицейской опорой. И, наконец, ставропольские есаулы и старшины выступали достойными посредниками в контактах с иноэтничными элитами вовне и внутри страны. Впрочем, подобный опыт в России Нового времени не был единичным: государство с переменным успехом насаждало и поощряло привилегированные слои и в среде других групп служилых людей, крещеных и некрещеных — татар-мишарей, нагайбаков (крещеных башкир), различных горских формирований.

Источники

Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Литература

Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.

Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.

Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 тт. / гл. ред.

сле административной реформы 1775 г. статус города и центра одноименного уезда Нижегородской губернии, ныне рабочий поселок Макарьев Лысковского района Нижегородской области. Не путать с Макарьевым на р. Унжа — с 1775 г. также городом и центром Унженской провинции Костромской губернии (ныне Унженский район Костромской области).

А. С. Ряжев. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30–60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А. С. Ряжев; сост.: С. В. Джунджузов, А. С. Ряжев, А. В. Тепикин, Л. Б. Четырова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.

Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2011. 210 с.

Джунджузов С. В. Образование и административное устройство калмыцкого казачьего поселения на Средней Волге (30–40-е гг. XVIII в.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 23–38.

Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: ИРИ РАН, 2000. 344 с.

Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 289–313.

Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. 586 с.

Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.

Кортунов А. И. Народы Урала на службе в Оренбургском казачьем войске (XVIII–XIX вв.). Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2009. 178 с.; [4] л. илл.

Кузнецов В. А. Ставропольское иррегулярное калмыцкое войско на службе России // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии». Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. С. 38–42.

Кузнецов В. А. Участие башкир и мецераков в войнах с наполеоновской Францией // Вестник Челябинского госуниверситета. 2008. № 15(116). С. 18–22.

Ряжев А. С. О командном составе иррегулярных войск (по документам Государственного архива Оренбургской области) // Б. Б. Городовиков — видный военный, государственный и общественно-политический деятель (к 100-летию со дня рождения). Мат-лы Росс. науч.-практ. конф. (12 ноября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 66–68.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН РАН; Союз казаков Калмыкии, 1992. 319 с.